

Дмитрий КОРЖОВ

Несмиренный
живописецАлександр
РЫЖОВ

г. Мурманск

*Он ушел во мудрость, оставив нам
мы, те, кто зрим, за собой
Вечность*

Дмитрий Коржов. Несмиренный живописец

ЖИЗНЬ ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

О книге Дмитрия Коржова «Несмиренный живописец»

Его нет с нами почти семнадцать лет. Он ушел в самом начале XXI века, зацепив его лишь краешком своей не такой долгой, но предельно насыщенной и многотрудной жизни. Надо же – оглянуться не успели, а уж целое поколение с той поры выросло... Поколение нового столетия.

Среди нынешних выпускников школ, без пяти минут взрослых людей, наверняка найдется немало пишущих, немало талантливых, ретивых, энергичных. Именно таких – молодых, одаренных, дерзких – выводил он когда-то в большой литературный мир: открывал перед ними двери редакций и издательств, знакомил с опытными собратьями по перу, организовывал выступления... да много чего еще. Был среди них и человек, написавший о нем ныне книгу. Первое по-настоящему серьезное и объемное исследование жизни и творчества видного писателя и общественного деятеля, помора и моряка Виталия Семеновича Маслова.

«Несмиренный живописец» известного мурманского писателя и журналиста Дмитрия Коржова – не совсем биография. Это, скорее, попытка показать через судьбу отдельного человека срез эпохи. Или

через срез эпохи – жизнь человека. Ибо Маслов был, безусловно, человеком своего времени, жил, творил и чувствовал, направляемый бурными событиями, происходившими в стране и мире. Поэтому от времени он неотделим. И очень хорошо, что в книге Коржова оно показано не общим декоративным фоном, не портретной рамкой, а как бы неотъемлемой масловской составляющей. Маслов жил и менялся вместе со временем. Но никогда это не было движение по течению. Зато почти всегда – борьба, часто – стремление остановить необратимые процессы, переломить ситуацию, совершенно безнадежную... Так что «Несмиренный живописец» – во многом книга о борьбе. О жизни против течения.

Спокойных и безоблачных времен в России не бывало сроду, но провидение как будто нарочно определяет таких вот людей – бунтарей, с рождения заряженных на борьбу, – в самые сложные исторические периоды. Так случилось и с Масловым. Взять хотя бы самое начало – детство, пришедшееся на последние предвоенные, затем военные и первые мирные годы, голодные, лихие, пропитанные и счастьем Победы, и жгучей горечью невосполнимых утрат:

«О том времени он подробно рассказал в поэме «47-й», от которой остались фрагменты, но представление, как и чем жила тогдашняя Семжа, они дают достаточно полное. Бабы – главные труженицы русской послевоенной деревни, отправляются на сенокос. И плачут. Потому что помнят, каким радостным был этот день до войны, каким многолюдьем и счастьем был отмечен, помнят, «сколько песен, хохоту, крику в этот день река уносила!». А тут, в это «время битвы без мин и пуль, если двое садились в гребни, было некому сесте за руль...» Бабы, подростки да инвалид Михайло Маркович – больше никого...»

Вместе с восстановлением великой страны из руин происходило становление личности будущего писателя Маслова. Работал и учился, впитывал мудрость – житейскую и книжную. А впереди ждали новые встряски и повороты отечественной истории: слом тридцатилетней эры Сталина, хрущевская оттепель, зыбучие 70-е, перестроечный сумбур, обрушение Советского Союза с последующей социально-политической катастрофой... Кто теперь скажет, какой из этих промежутков оказался самым сложным?

В «Живописце» весьма подробно показаны сражения Маслова с цензорами всех уровней – и в ту пору, когда он был еще начинающим литератором, и тогда уже, когда он, говоря современным языком, сделал себе имя и должен был, по логике, заслужить некий лимит доверия, позволяющий не слишком придирааться к его новым рукописям. Но нет, этого лимита он так и не дождался. Мы едва ли погрешим против истины, если скажем, что Виталий Маслов был одним из наиболее критикуемых авторов на всех этапах своей творческой деятельности. И речь здесь не о критике со стороны читательской аудитории, а о тех баталиях, которые ему приходилось выдерживать с официальными идеологами, норовившими урезать и искорежить им написанное...

Заметим, что Маслов всегда четко разделял понятия: редактура и цензура. На заре своего писательства он учился литературному ремеслу с поразительной настойчивостью и беспощадностью к себе. А учителя были строгие, лупили, не жалея. Вот навскидку – из отзыва Виктора Конецкого на сборник «Болят ли у рыбы зубы», присланный ему Масловым в 1977 году: «Не выдержан стиль. Заваливаешь прилагательными... Рассказы не доведены, и я не хочу показывать тебя в «Детгизе» небрежным автором. Особенно в начале злоупотребляешь псевдорусским стилем...» Маслову, на минутку, было тогда уже без малого 42 года, и его никак нельзя было назвать зеленым юнцом, которого можно тыкать носом в

недостатки. Тем не менее, к такой критике – конструктивной, по делу – он относился с должным вниманием, переживал, но не обижался (а с Конецким они и вовсе были друзьями!). Но была критика иного толка – злая, желчная, направленная на то, чтобы «не пущать». Вот тут Маслов боролся на износ и потерял, надо думать, в ходе этих сражений немало сил и здоровья.

Жизнь не давала передышки, требовала постоянной работы – мыслительной, физической. И в первую очередь, работы совести. А это, пожалуй, самая тяжкая из всех работ.

Маслов, насколько я его знаю, всегда измерял поступки и намерения совестью. Как свои, так и чужие. Свои – особенно жестко, без малейшей поправки. Иногда эта самотребовательность переклещивала, наверное, через края, но по-другому он не умел. Даже книгу свою исповедальную назвал безжалостно: «На костре моего греха». Этот костер, им самим разложенный, жег его всю жизнь, покуда не испепелил дотла.

Но вернемся к «Живописцу». Неблагодарное дело – пересказывать чужое произведение, тем более соревноваться с автором в знании тонкостей того, о чем идет речь. Хотя о жизни и кипучих трудах Маслова могли бы рассказать многие – все, кто знал его лично, кто работал с ним рука об руку, выступал на одних с ним площадках, принимал его помощь и в то же время спорил с ним до хрипоты на писательских собраниях... Вот из этих бы точечных впечатлений, из ярких эпизодов, застрявших в памяти у десятков (да что там – сотен, если не тысяч!) человек, и должна была сложиться книга о Маслове.

Она и сложилась. Дмитрий Коржов поступил умно. Казалось бы, ему, знавшему Маслова почти десять лет, хватало бы и собственных воспоминаний. Плюс под рукой оказались масловские архивы, письма, черновики – материал богатыший! Но Коржов этим не ограничился. «Живописец» многозвучен, в нем присутствуют голоса и Владимира Личутина, и Федора Абрамова, и Василия Белова, и Дмитрия Балашова, и Семена Шуртакова, и Виктора Конецкого... Список-то какой, какие имена! И все – о Маслове.

Вот, к примеру, роскошное личутинское, раскрывающее всю подноготную творческих истоков Виталия Семеновича:

«Из тоски по преждевременно умершей деревне Семже и родился русский писатель со своей пронзительной болью и жалостью, резкий, угловатый, непримиримый ко всему неискреннему и ложному, с прямою поморскою душой, что свойственно северной натуре... Но писатель Маслов родился и из мечты о возрожденной деревне... Писатель Маслов родился из памяти. Он, как ста-

русский летописец, добровольно вбирающий память ушедших, беззаветно любя этих ушедших с их доблестями и грехами...»

А рядом с цитатами из классиков и почти классиков – слова людей самых разных, незначительных, но объединенных тем, что довелось им так или иначе поучаствовать в масловской судьбе. А вернее сказать – в большинстве случаев – это он участвовал в их судьбах. Так и с автором «Несмиренного живописца», кстати. И с автором этих строк тоже...

Коржов – мемуарист неэгоистичный и, если так можно выразиться, нежадный. Он щедро дает говорить другим, в особенности самому Маслову. Да, Маслов, обильно и с удовольствием говоривший об окружающих, о себе молвил скромно и скупно. Но остались чудесные памятные заметы о поморском детстве, о родителях, о той деревне Семже, которая стала источником его вдохновения... А по дневникам Маслова можно сложить мозаикой всю его биографию. Однако ж этот взгляд – на себя, изнутри – всегда субъективен, относиться к нему следует с осторожностью. Именно потому в «Живописце» представлены взгляды других. Взгляды извне. И таким образом достигнуто определенное равновесие.

Маслов и литературный мир. Маслов и мир вообще. Тема настолько обширна, что соперничает с темой «Маслов-писатель». А ведь иной раз задумаешься: в какой своей ипостаси он был талантливее – как литератор или как организатор? Это двуединство очень сильно его тяготило, в особенности в последние годы, когда он неоднократно порывался оставить руководство Мурманским отделением СП и сосредоточиться на творчестве. И оставлял. Но потом снова возвращался, потому что опять же – иначе не мог. Со стороны казалось, что общественник и писатель в нем уживаются гармонично, но на деле первый изрядно мешал второму. Во всяком случае, отвлекал.

Ему не случилось стать столь же широко известным, как, скажем, его ровесники и единомышленники Валентин Распутин или Владимир Солоухин, но это не значит, что планка его таланта была ниже, чем у них. Лучшие масловские вещи написаны мощно, крупно, колоритно – по значимости своей и по сочности языка они ничуть не уступают беловским «Канунам» или распутинскому «Пожару». Но так вышло – Маслов не получал Государственных премий и не был официально, во всеуслышанье, причислен к символам эпохи. Между тем именно по его инициативе произошло то, что потом назвали началом возвращения к истокам, первым шагом на пути воскрешения Руси – в Мурманске вернулся к нам День славянской письменнос-

ти и культуры, отмечаемый теперь ежегодно по всей стране и далеко за ее пределами. Правда, все, что было потом, на рубеже 80-90-х годов, случилось уже вопреки его мечтам и желаниям. Но не его вина, что хорошие идеи оказывались подчас перевернутыми с ног на голову...

Целая глава «Живописца» посвящена Славянскому ходу 1997 года Мурман – Черногория, состоявшемуся по инициативе Маслова и при его непосредственном участии. Это самый смелый, на грани фантастики, из осуществленных им замыслов. А еще – беспрецедентная по сложности доставка из Болгарии в Мурманск памятника Кириллу и Мефодию. И все это – тоже Маслов, его неукротимая (несмиренная!) энергия, его принципиальная позиция, его разум, его душа, его совесть...

Особый раздел книги – Маслов и молодежь. То, о чем мы уже вскользь упомянули. Применительно к человеческому обаянию есть такое расхожее, но в то же время емкое и точное слово – «магнетизм». Так вот, Маслов обладал не просто магнетизмом, а магнетизмом избирательным: он притягивал к себе людей интересных, многогранных. Людей творческих. Масловское окружение – это совершенно особенная среда, чьим ядром стала все та же областная Мурманская писательская организация, которую он возглавлял с начала 90-х. При этом следует заметить, что Маслов никогда и никому себя не навязывал; более того, он внимательно присматривался к человеку, прежде чем определить, достоин ли тот вхождения в эту среду. Зато если определял – то всегда безошибочно.

«...Виталий Семенович основал серию, в рамках которой вышли из печати десятки книг молодых авторов, – вспоминает Дмитрий Коржов. – Живой, творческий костяк тогдашнего областного литературного объединения составляли около двадцати поэтов и прозаиков. Настоящая новая волна!.. Маслов во всем привык мыслить стратегически, масштабно. И в отношении молодых литераторов им была продумана целая программа действий, грамотная, последовательная политика. Чтобы, с одной стороны, хоть в какой-то степени облегчить наш путь в литературу, а с другой, накрепко привязать начинающих авторов к слову, сделать его слугами, его работниками и творцами...»

Получилось? Безусловно! Мало кто из той плеяды «масловских птенцов» потерялся, утратил интерес к литературе. Большинство остается на виду, продолжая трудиться над словом. Дальновидный Маслов посеял зерна, которые взошли, и благодаря им литература Кольского Заполярья не умерла. Как тут не вспомнить строчку Иосифа Бродского, адресованную, правда, не людям, а

стихам, но удивительно подходящую к случаю: «Я войду в одне, а вы – в тыщу».

Даже сейчас, спустя семнадцать лет, когда те мальчишки и девчонки уже давно стали взрослыми, когда многие из них приняты в Союз писателей и имеют в багаже кто по десятку, а кто и поболее книжек... даже сейчас очень остро ощущается отсутствие масловского плеча. Его поддержки, его строгих нахлобучек, его тактических и стратегических решений: кому куда поехать, где и перед кем выступить. Можно представить себе, какого масштаба была его личность, если пустота, разверзшаяся после его ухода, зияет по сию пору.

Вот и в книге Коржова, писателя, шагнувшего в творческий мир из того самого масловского литгнезда, видна не только работа кропотливого исследователя. В ней сквозит тоска по ушедшему – человеку, мастеру, наставнику. Большому явлению по меркам не только Мурманской области, но и России в целом.

«А итог-то какой? Не личный, нет, с личным, тем, что касается строго и исключительно Виталия Маслова, все более-менее понятно... Но он-то был больше личного, никак не вмещался в эти тесные рамки. У него, как-то так получалось, что и то, что вроде бы касалось только его одного, касалось и многих, порой – всех нас. Все потому, что жил не только для себя и своих близких. Но – для навсегда оставшейся в сердце родной деревни. Для читателей. Для земляков – и семжан, и мурманчан. Для нашей тревожной, но и в несчастьях своих удивительно прекрасной Родины».

Очень характерно, что «Несмиренный живописец» Дмитрия Коржова вышел в свет буквально через год с небольшим после публикации собрания сочинений Виталия Маслова. Собрания первого, далеко не полного, но такого нужного и долгожданного. Наконец-то по крупицам собрано, сведено воедино и выпущено аккуратным четырехтомником основное наследие Маслова. Оно быстро разошлось по библиотекам, по домашним книжным полкам – «в тыщу». И интерес к нему позволил сделать открытие: Маслова читают и теперь. Читают не только его современники, но и поколение XXI века. Его произведения, несмотря на привязку к конкретным реалиям, не устаревают. Он жил проблемами своего времени, но, как истинный талант, мыслил глобально, и потому его идеи, его слова пережили плоть, пошли дальше, в будущее, в глубину новой, только еще нарождающейся истории...

Книга Коржова не дает ответа на вопрос, какое из амплуа Маслова – писатель или общественный деятель – имело (и продолжает иметь для нас сегодня) наибольшее значение. Впрочем, автор и не ставил перед собой такой цели – разъединить их, развести по разным полюсам и противопоставить друг другу. И мы тоже не беремся предсказать, что проживет дольше и оставит более глубокий след: масловские тексты или масловские дела. И то, и другое достойно изучения, достойно памяти. Поэтому «Несмиренный живописец» должен найти своего читателя. Найдет непременно!

□

Александр Сергеевич РЫЖОВ

родился в 1974 году в г. Оленегорске Мурманской области.

Окончил Санкт-Петербургский государственный университет

(факультет журналистики).

С 1999 года – член Союза писателей России.

Автор 23 книг.

Обладатель диплома Союза русскоязычных литераторов Австрии (2010).

Лауреат литературной премии Баева-Подстаницкого (1996),

премии губернатора Мурманской области

за особый вклад в развитие культуры и искусства (2006),

премии «Неизбывный вертоград» (2011).

В журнале «Север» публикуется впервые.

